

Модест Осипов

Долгие сказки

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

* * * * *

Модест Владимирович Осипов

Долгие сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617530

ISBN 9785448329579

Аннотация

Не люблю расставаться. Я придумываю людей, города, миры, и они становятся родными, не хочется покидать их, ставить последнюю точку. Пристально всматриваюсь в своих героев, в тот мир, где они живут, выстраиваю сюжет. Будто сами собою, находятся нужные слова. История оживает, и ей уже тесно на одной-двух страницах, в жёстких рамках короткого рассказа. Так появляются другие, долгие сказки. Сказки, которые я пишу для себя и, может быть, для тебя...

Содержание

Дом Ветра

5

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Долгие сказки
Модест Владимирович
Осипов

© Модест Владимирович Осипов, 2016

© Студия wearegoat LTD London, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2957-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом Ветра

Варя забралась под одеяло, прижалась ко мне. Тёплая.

– Почему здесь так пыльно? – спросила она непонятно у кого. – Я только вчера прибиралась, и вот опять.

Мы живём вместе всего неделю, а она уже почувствовала себя хозяйкой – готовит, наводит порядок, моет полы. Квартира съёмная, и я никогда не утруждал себя особенно тщательной уборкой. Впрочем, Варя права: пыль собирается моментально. Год назад, когда я снял эту квартирку, такого не было.

– Занятную штуку вычитала в «Обозревателе», – сказала Варя за завтраком. – Недалеко от нас, в оврагах, нашли трёх мёртвых бродяг. Мозг у них был как на седьмой стадии Альцгеймера.

– Приятного аппетита, Барби. Хорошую ты тему выбрала под яичницу с беконом, – ворчу в ответ. – Допились или химию нюхали. Что тебе до того?

– Ты не понимаешь. Дожить до седьмого Альца может обладатель шестого, да и то при хорошем уходе – это уже не человек, а растение. Бродяга, скорее всего, погибнет на четвёртой-пятой стадии – умрёт от голода, замёрзнет, под машину попадёт.

– Да ну, разве журналистам можно доверять? Врачи или полицейские что-то сказали, газетчик ничего не понял

и чушь написал, редактор не проверил...

– Не забывай, Кир, я ведь тоже журналист.

– Извини, не хотел тебя обидеть.

Варя поцеловала меня в нос. Мол, прощён. Когда всё только начинается, прощать легко.

* * *

Мы живём на Пятницкой, в старом шестиэтажном доме с тёмными подъездами и скрипучими лифтами. Под крышей, прямо над нашим балконом, свили гнездо ласточки. Этот дом, последний перед оврагом, открыт всем ветрам. Где-то внизу в яблоневых садах теряется Знаменка, петляет Петров ручей, за крепостной стеной и Подолом впадает в Днепр. За рекой снова сады, одноэтажное тихое Заднепровье. Окна смотрят на север, все летние рассветы и закаты – мои. Нет, теперь наши.

В детстве я обычно смотрел на город с другой стороны реки. Родительский, точнее, ещё прадедов дом – номер тринадцать по Казанской улице – тоже стоит высоко на холме. Залезаешь на дерево или на крышу, и весь город как на ладони. Но мне рано стало тесно в том домике, захотелось свободы, и отношения с родителями – с отцом и с его женой Мариной – совсем разладились. После шести лет учёбы в Бристоле и Эдинбурге я поработал некоторое время в Женеве, потом в Киеве, в Петрограде. В Новгород-Днепровский вернулся

почти чужаком. Попробовал пожить у отца, терпения у нас хватило недели на полторы. Снимал одну за другой квартиры, жил три-четыре месяца, понимал – не то. Однажды увидел в газете объявление: очень недёшево сдаётся крошечная квартира в неуютной, громоздкой шестиэтажке. Из любопытства поехал посмотреть, встретился с хозяйкой. Спросил, почему так дорого. Ремонт здесь не делали лет десять, мебель старая, тесно, как в эдинбургской общаге.

– Да Вы на балкон выйдите, молодой человек, – ответила Лидия Григорьевна, женщина неопределённого возраста в мутно-розовом платье-халате и с причёской «развалины Вавилонской башни». – Один вид стóит этих денег, а я в придачу ещё и квартиру предлагаю.

Не умею торговаться, и те, кто умеет, чувствуют это мгновенно. Я согласился. Уверен, как только за мной закрылась дверь, хозяйка начала пилить своего робкого мужа, почему, мол, не попросили больше.

* * *

Варя вернулась с работы позже обычного. Встречаю её в прихожей:

– Здравствуй, милая моя! Стол накрыт, шабли в бокалах.

Мы сели ужинать. Я приготовил индейку с айвой и салат. Свободный график имеет свои преимущества.

– Четвёртый, Кир.

– Кто четвёртый? Ты о чём?

– Ох, извини. Помнишь, несколько дней назад мне попала заметка про мёртвых бродяг.

– Помню. Кажется, тот разговор был за завтраком. Давай для разнообразия обсудим это за ужином.

Варя надулась:

– Злой ты.

Но индейка удалась, и бургундское пришлось кстати – сердилась Барби недолго.

– Ты, Кирилл Альбертович, зарываешь талант в землю. Бросай свою системную аналитику, или чем ты там занимаешься, и открой маленький ресторан на Подоле. К тебе будут очереди выстраиваться, люди придут на запах, зачарованные, как гамельнские крыски. А я у тебя буду администратором, кассиром, официанткой и просто для красоты.

Мы поленились мыть тарелки, переползли с бокалами на кровать.

– Нет, Варвара Михална, пусть все сапфиры и изумруды моего поварского таланта достанутся тебе одной. Так что там с бродягами?

– Ты рассказывал про Яшу с Медынского Вражка...

– Никакой он не бродяга, он наш, здешний. Ну да, живёт в заброшенном доме, питается чем Б-г пошлёт, за всей округой одёжки донашивает, окурки докуривает.

Яшка Ветер – городской чудак, щуплый седой человечек с голубыми глазами вечного ребёнка – иногда за еду подра-

батывает грузчиком в кафе на Пушкинской или помогает рабочим в Драмтеатре, однажды красил вместе с малярами си-нагогу. Его можно с запиской и деньгами отправить за книгой на базар к букинистам – Яшку никогда не обманывают. Можно попросить погулять с собакой. Собаки и птицы его любят, а кошки боятся. Вряд ли кто-то знает, как его зовут на самом деле. Ветер всё понимает и даже отвечает, но что именно, понять невозможно.

– Как ты его называл? Ла-мед-что?

– Ламедвавник. Тайный праведник.

Всякое про Яшку говорят. Будто бы детей больных к нему приводят и те выздоравливают, будто проклял его настоящий Софии Днепровской, будто остановил он однажды оползень на Медыни и спас два дома вместе с жильцами. Марина рассказывала, что лет пятьдесят назад, совсем мальчишкой, он вскочил на ходу в трамвай, у которого отказали тормоза, что-то крикнул, и трамвай встал как вкопанный. Сказки всё это, наверное. Сам я видел однажды, как Ветер несёт собачонку, которую сбила машина. Мёртвую. И плачет, и шепчет, шепчет на своём языке. Теперь она живёт у него под крыльцом. Или похожая, я мог обознаться.

– Ты давно его не встречал? – спросила Варя.

– Пару недель назад на Софийской. Он сидел на ступеньках булочной, довольный как слон, и ел круассан. Наверное, дед Семён, хозяин лавки, его угостил. Яшку все любят. А что? Нет, Варька, не может быть.

– Да, Кир, Яша – четвёртый. Лежал в позе зародыша на скамейке в парке, рядом с Дозорной башней. Некоторые участки мозга разрушены полностью.

– Варя, где парк, а где Медынь. Как же он дошёл?

– Не знаю. Таня Чернова из «Новостей» разговаривала с участковым. Дело заводить не будут, но он порасспрашивал на всякий случай местных. Накануне вечером бабулька с дедушкой возвращались домой, на Владимирскую, и видели издалека Яшу. Он бегал туда-сюда по пустой Театральной площади, будто играл в догонялки с невидимыми детьми.

* * *

Варя не жалуется, но спит плохо, ворочается, разговаривает во сне довольно громко, но невнятно. Встаёт разбитая, толком не позавтракав, уходит на работу. Я спрашиваю – ничего не помнит или не хочет обсуждать. Предложил ей взять отпуск, поехать вместе на юг, на море. Нет, говорит, не дадут пока, года не прошло, как она устроилась работать в телецентр. В Вязме нет своего телевидения, после журфака Варька осталась в Днепровском и, как мне казалось, нашла работу своей мечты. Когда мы только познакомились, встречал её вечерами – счастливую. А сейчас она больше похожа на бухгалтера, у которого не сходится годовой отчёт. Или на бухгалтера, которому ночь за ночью снится, что отчёт не сходится.

Не думал, что наше знакомство зайдёт так далеко. Миловидная, даже, пожалуй, красивая, в очках, которые делают её чуть взрослее, но ни капли не портят, и в самой нелепой на свете шляпе, она сидела на скамейке в сквере тёплым апрельским вечером и читала.

– Какая же у Вас дурацкая шляпа, – сказал я и попросил разрешения сесть рядом.

Мы встречались всего месяц, в конце мая я предложил ей переехать ко мне на Пятницкую. Несколько недель вдвоём, беззаботных, весёлых, и Варя вдруг сникла, загрустила, ей начали сниться тревожные сны. Прошное не отпускает?

Она неохотно рассказывает о жизни в Вязьме. Сложные отношения в семье, несчастливая любовь – тот человек был намного старше и, как оказалось, женат. Впрочем, я тоже старше её на девять лет. Разведён. Детей, насколько мне известно, нет.

– Что с тобой, Барби? – спрашиваю чуть не каждое утро. Молчит, пытается улыбнуться, получается так себе.

* * *

Конец июля мы провели в Москве. Варю неожиданно отправили туда по редакционным делам, я увязался за ней. Она моталась по городу, важная, как папский нунций, – всё-таки первая в её жизни командировка. Я устраивался с бутылкой кефира и бутербродами на газоне на Страстном бульва-

ре, рядом с нашей гостиницей, и работал. Или ходил по музеям, по книжным магазинам. Встретился с Лёней Рыжим – мы вместе учились в Бристоле.

Вечерами, когда спадала жара, мы с Варей сидели на открытых верандах кафе, катались на корабликах по Москве-реке или брали напрокат велосипеды и ехали на Воробьёвы горы. Мне не очень комфортно в Москве – огромный город, почти как Лондон, Париж, Петроград. А Варя словно ожила.

Вернулись – и сразу за уборку. Квартира заросла пылью, в коридоре, в тёмном углу под потолком, Варя заметила тонкие белёсые нити.

– Плесень?

– Нет, Кир, больше на грибницу похоже.

– Отлично, Барби. Что-нибудь вырастет, и мы сварим из этого суп.

Но суп не сварили. Варя проснулась часа в два, разбудила меня, зажгла свет по всей квартире.

– Страшно, Кирюша, мне страшно. Мне темно, тесно. Я в стенах, в щелях, под обоями, в трещинах, в трубах. Я в земле, раздвигаю комья, ползу сквозь глину, сквозь асфальт, проникаю, проникаю. Я в людях, Кирюша, я пью их и ем, но они ещё не знают об этом. Я вижу их глазами, пока они видят.

– Господи, Варька, что с тобой?

– Забери меня, Кир.

Я позвонил отцу. Он ещё не спал.

– Папа, можно мы приедем сейчас?

– Кто это «мы»?

– Я и Варя.

– Полгода назад, если не ошибаюсь, её звали Оля. Как часто она меняет имена...

– Папа, не начинай. У нас тут, кажется, проблемы.

Отец хмыкнул.

– Беременна, что ли?

– Нет. Не знаю. Не в этом дело. Мы поживём у тебя на чердаке несколько дней?

– Галя, конечно, будет вне себя от радости. Приезжайте.

Галя – третья... нет, уже четвёртая жена моего отца – на дух меня не переносит, я отвечаю ей взаимностью. Но сейчас, кроме папы, обратиться не к кому. Старых друзей-приятелей давно растерял, новыми не обзавёлся.

Я вызвал такси, помог дрожащей Варьке одеться, чуть не насильно влил в неё полстакана первого попавшегося вина. Позвонил в телецентр, сказал ночному редактору, что она заболела и завтра не сможет прийти на работу. Машина уже ждала, по пустому городу мы за несколько минут доехали до Казанской.

– Без обид, ребята, но в горку не поеду, – заупрямился таксист. – Там не развернёшься.

Мы пешком поднимались по давно не отремонтированной улице. Варю, похоже, начал отпускать тот кошмар.

Барби наотрез отказалась вернуться на Пятницкую, даже поехать со мной собирать вещи. Когда я уходил, она сидела на кровати на чердаке, бездумно смотрела в окно, иногда подносила ко рту потухшую сигарету. Галя неожиданно прониклась к ней сочувствием, нажарила молочных гренок. Я стащил одну и пообещал вернуться поскорее.

Возле шестиэтажки стояли две кареты скорой помощи. Водители курили на скамейке у нашего подъезда. Я спросил, что случилось. Четыре вызова за ночь и утро: два «сердечника», приступ бронхиальной астмы и ещё какой-то болезни, название которой шофёр забыл.

– Умер, бедняга, – сказал другой водитель. – Молодой парень, твоих лет примерно. Увезли уже.

Я поднялся в квартиру, там по-прежнему горел свет. Вarya легко отделалась. Тьфу-тьфу, стучу по тумбочке. Ночной кошмар – не сердечный приступ. Этим людям тоже что-нибудь приснилось? Или снова уолсингемский синдром?

С апреля шестьдесят восьмого по январь семидесятого в деревне Уолсингем в графстве Кент умерло сорок два человека из двухсот с небольшим. Молодые, пожилые, инфаркты, инсульты, почки, лёгкие, лейкемия, два самоубийства. У нас на третьем курсе был факультатив по геоэнергетическим аномалиям, вёл его чудаковатый старик Браун, человек

с репутацией нонконформиста и еретика. Прочёл три или четыре лекции и попал в больницу с чем-то серьёзным. В институт он уже не вернулся.

Браун считал, что аномальные зоны могут влиять на здоровье, на поведение людей, опубликовал собственное исследование по Уолсингему, по нескольким похожим случаям, ввёл в обиход сам термин «уолсингемский синдром». С начала восьмидесятых пытался создать лабораторию, отправлял письмо за письмом в Лондонское королевское общество, хотел ездить в экспедиции, изучать. Нам он рассказывал о незаметных процессах, о годах и десятилетиях жизни по соседству с аномалией, о том, как неумолимо меняет она людей. Но медленно, медленно. Нет, здесь другое.

* * *

Пыль, всё началось с пыли. Я собрал на чистый лист щепотку в одном углу, щепотку в другом, поднёс к окну, стал рассматривать. Ничего особенного. Из «студенческой» коробки, которая ездит со мной уже много лет, достал большую лупу. Пыль слишком ровная, этакий мелкий порошок. Где же я такой видел? Бетонная крошка! Отец вешал в подвале полки для бесчисленных банок с огурцами-помидорами. Марина со страстью коллекционера заготавливала на зиму всякие соленья, банки на полу уже не помещались, и она уговорила отца смастерить полки по стенам. Чертыхаясь, он

сверлил бетон, потом мы неделю выметали изо всех углов и щелей эту пыль.

Что-то в стенах? И Варя в ночном бреду, кажется, говорила про стены.

Аккуратно, там, где квартирная хозяйка, может быть, не заметит, я оторвал уголок обоев. Ого! В дальнем от окна углу, за шкафом, под кроватью – везде, куда бы я ни заглянул, штукатурка, как старинная картина сеткой кракелюров, расчерчена тончайшими нитями грибницы. Они прошли сквозь бетон, наполнили квартиру серой пылью, затаились под обоями, укрытые от яркого солнца и людских глаз, и выстроили сеть – правильную, как в институтском учебнике, многослойную нейронную структуру с рекуррентными связями. Мы в Бристоле работали над такими, от наших хитросплетений лабораторный Адмет – вычислительный кластер размером в полподвала – пыхтел и грелся. Но самая мощная из наших нейросетей была бы на порядок слабее, чем паутинка этого мицелия величиной с пятак. А здесь целая стена, целый дом? Я включил лэптоп, стал рыться в энциклопедиях, справочниках. Нет, разумеется, нормальные грибницы в такие сети не сплетаются. Что это за адский биокомпьютер?

* * *

На Казанскую возвращался пешком, долго стоял на мосту

перед Островом, смотрел на Днепр, думал. Мне на каждом шагу мерещатся сети? Я отыскиваю несуществующие структуры, совпадения, закономерности? Или...

Солнце опускается за Печерский лес, висит в тёплом воздухе мошकारа, ласточки летают высоко-высоко в чистом, без единого облачка, небе. На крыльце сидит отец, курит, читает довольно потрёпанную книгу. Явно чужую – отцовские книги всегда в идеальном состоянии. Сажусь рядом. Какое-то время молчим, мне становится неловко.

– Что читаешь, папа?

– Вот, Дима Китаев порекомендовал. Некто Снегирёв, московский автор, из современных. Знаешь такого?

– Не-а. Хорошо пишет?

– Не на мой вкус, но тебе должно понравиться.

Откуда ему знать, что мне нравится, а что нет?

– Я почти дочитал, возьми потом, если захочешь. Кир, а что с твоей девочкой? Варя, да? Она за весь день всего раз или два с чердака высунулась.

– Всё в порядке, папа, просто стесняется. В подъездах ремонт затеяли, Варюха краской надышалась, ей стали сниться кошмары. Мы вернёмся к себе через несколько дней.

Отец грустно посмотрел на меня поверх очков, должно быть, понял, что я вру, но с несвойственной ему тактичностью от дальнейших расспросов воздержался.

– Галка! – крикнул он в дом. – Что там с ужином, солнце моё?

– Минут десять, Алик, – ответила с кухни Галя. – Кирилл, зови Варю, и тоже приходите. Голодные небось?

После ужина мы с Варькой сидим на огромной кровати на чердаке. У отца часто бывают гости, много лет назад он нашёл-таки время и превратил сумрачный чердак с летучими мышами в уютную комнату с отдельным входом.

– Барби, мне нужна твоя помощь.

– В чём, Кир? В твоей системной аналитике?

Что я ей скажу? Что, по моим предположениям, помесь грибницы с нейронной сетью распространилась по дому, по городу, лезет в мозги спящих людей, калечит их, убивает?

– Нет. Хотя, пожалуй, да. Давай проведём ещё одну ночь на Пятницкой.

– Кирюша, пожалуйста, не надо.

– Ты единственная, к кому я могу обратиться. Всё сложно, так сразу не объяснишь. Не только тебе снились кошмары этой ночью. От них не просто просыпаются среди ночи, от них умирают. Я понял, что происходит, теперь нужен проводник из тех, кто видел сны. Прошу тебя, Варька.

– Я не смогу.

* * *

Варя долго ворочается, не может уснуть. Мы поменялись местами; раньше она спала у стенки, а я с краю, поэтому грибница сначала добралась до неё. Возможно, поэтому.

– Страшно, Кир. Вдруг я опять попаду в стену и уже не смогу выйти?

– Попадешь, очень надеюсь, что попадешь. Я войду следом и тут же отпущу тебя, ты проснёшься. Всё будет хорошо, – соврал я. – Засыпай, Барби.

Ничего хорошего. Грибница снова потащит её к невидимой цели, я пойду (поползу, побегу, полечу) за ней. Дальше – по ситуации. Уснуть и видеть сны.

Нет света, цвета, звуков, запахов, лишь чудовищная теснота. Так, наверное, чувствует себя младенец, мучительно пытаясь покинуть лоно матери. Бесконечно далеко впереди ускользает от меня Варя. Я тоже двигаюсь, но против своей воли, словно кровь по капиллярам. Меня протягивает сквозь нити, по крупинке, как о наждачную бумагу, стирается память. Чувствую движение, могу отличать «здесь» от «там». Иногда давление чуть ослабевает – видимо, развилка или перекрёсток. Делаю отметки на воображаемой карте.

Прошло несколько часов, дней, недель – время исчезло, есть только бесконечный полёт и Варя далеко впереди. Что есть силы думаю её имя. Не сразу, но она отвечает.

– Кир, где ты?

– За тобой, не могу догнать тебя. Остановись.

– Как?

– Думай моё имя, держись, цепляйся за него.

– Хорошо, Кирюша.

Я попробовал двигаться быстрее. Получилось. Ещё быст-

рее, ещё. Голос Вари как маяк в темноте. Приближаюсь – он всё отчётливее. Вдруг мы столкнулись и проснулись.

Точнее, я проснулся, а Барби сидит на кровати в забытьи, смотрит сквозь меня. Бледнеет на востоке сиреневое небо, набирает свой цвет заря. Скоро рассвет.

* * *

Мы приехали на Казанскую, отца не было дома, Галя во-зи-лась в саду. Хорошо, никому ничего не надо объяснять – Варя ходит, если её вести, ест, если кормить, но не разговаривает и смотрит в никуда, в невидимую точку в пространстве.

До вечера ничего не поменялось, только испортилась погода. За окном бесконечной киноплёнкой тянулись по небу облака. Я устроился на чердаке за старым отцовским столом, думал о ночном нашем путешествии, рядом неподвижно сидела Варя. Пару раз спускался на кухню за чаем и бутербродами. Галя ворчала, это, мол, не еда, приходите и поешьте по-человечески, сам ешь непонятно что, хоть девочку свою не приучай. Пришлось соврать, что работа очень срочная, счёт идёт буквально на минуты, а у Вари разболелась голова, и она дремлет.

Стемнело. Пора возвращаться на Пятницкую.

* * *

Я – маленькая белая точка на стене. Я – еле различимый

волосок мицелия. Я вхожу в стену. Темно. Я иду сквозь бетон, вверх по сети, я становлюсь сетью. Плачет ребёнок, ему снится, что он заперт в темноте, ему нечем дышать. Он зовёт маму, но мама не слышит – он кричит внутри сна, в глубине стены.

Знаю эту топологию – я проектировал, защищал, разрушал десятки таких сетей, меня учили этому шесть лет. Но те сети не были живыми. Я рву связи, шлю от клетки к клетке сигналы «умри!», пытаюсь очистить дом.

В структуру вплетены фрагменты воспоминаний живых и тех, кто уже умер. Женщина средних лет, чья-то мама, бабушка. Была. Она подключена несколько дней, её почти уже нет. Она не проснётся утром, если я убью весь сегмент, или проснётся, но никогда не узнает свою дочку, внуков. Я вижу всю память этой женщины – грибница забрала её и не отдаст обратно. Умри!

Осколки жизней вспыхивают передо мной и тут же гаснут. Вот бродяги, про которых рассказывала Варя, – от них остались лишь тени. Всё сходится. Я был уверен, что найду их здесь.

Вот Яшка Ветер. Он правда умел многое, не врут люди. Смотрел на мир будто сквозь хрустальный шар, ходил теми тропинками, по которым нам не пройти, слышал тихие голоса, знал имена. Оказывается, он когда-то любил. Кого? Не вижу – обрыв плёнки. Ветер говорит, и ему отвечают на его языке. Кто его собеседник? Опять обрыв, темнота.

Яшка нашёл сеть раньше, чем она коснулась нас. Боролся до конца и проиграл, грибница сожгла его. Обрыв плёнки, теперь навсегда.

Снова и снова командую «умри!», я похож на дворника, который пытается в одиночку прибраться в целом городе. Сеть слишком велика.

Ловлю позывные центра, пробую расшифровать инструкции, изменить их, встроиться. Посылаю сигналы вдаль, наугад, в надежде перехватить управление мегасегментом, посеять вражду внутри грибницы. Тихо, нет ответа. Я собираюсь с силами, чтобы отправить новую команду, но по сети проходит дрожь, и она отвечает ударом на мой удар.

Боль. Темнота. Яркий свет. Боль. Пробуждение.

* * *

Пошатываясь, я шёл по городу. Кружилась голова. Несколько раз забредал не в те переулки. Хотел поймать такси, но не смог вспомнить название улицы, на которой живёт мой отец. С трамваем тоже не получилось, я забыл, куда он идёт.

– Где ты был, Кирюша? – спросила Варя.

– На... – я задумался. – На Пятницкой. А что?

– Ты ушёл позавчера, – она расплакалась.

Не помню, как прошёл день, один или два. Вдруг заметил в чердачном окне первые звёзды, услышал голос Вари. Похо-

же, мы с ней разговаривали, спорили. Не помню, не помню.

– Кир, ты чуть ли не силой привёл меня на Пятницкую, говорил, помощь моя нужна, гибнут люди. Теперь я хочу помочь, хотя бы рядом посидеть – не пускаешь. Что происходит? С кем ты воюешь?

Варя злится, с непонятной настойчивостью требует взять её с собой.

– Я боюсь за тебя, Варька. Кто знает, какова смертельная доза? Ты после прошлого раза день сидела со стеклянными глазами, смотрела в одну точку.

– Ты тоже, Кир.

– Не важно, пройдёт.

Вру, ничего не пройдёт, я даже не представляю пока, сколько всего забыл. Зато знаю, что делать дальше.

– Нельзя было снова подпускать тебя к грибнице. Варька, милая, побудь, пожалуйста, в Заднепровье, подальше от этой твари. Гале в огороде помощи или отцу с диссертацией, если хочешь. Они рады будут. А я справлюсь. Завтра вернусь, в крайнем случае послезавтра. Это будет славная охота, Маугли.

Мы спустились в дом, отец работал, Варя робко, почти шёпотом спросила, чем ему помочь. Отец смутился, буркнул что-то себе под нос, достал из ящика стола папку с бумагами, начал объяснять ей задачу. Я попрощался и вышел на улицу. Какой душный вечер.

На Пятницкой пусто, грибница мертва, безжизненные нити мицелия гниют под обоями. Снятся обычные, ничего не значащие сны. Я проснулся в половине четвёртого, окно открыто, прохладно, призрачным светом наполняют комнату далёкие прожектора над железной дорогой. Дом чист, отсюда уже не войти. Своим ответным ударом сеть сожгла огромный сегмент, пытаюсь убить меня, как убила Яшку. Что меня спасло? Ветер слишком сильно устал, он почти год сдерживал, как мог, беду – днём, ночью. Он ведь никогда не спал, никогда не бодрствовал, жил по обе стороны зыбкой грани между явью и сном.

Дом Ветра. Наверняка там есть живая грибница, там можно уснуть, наглотавшись снотворного, войти в сеть, добратся, наконец, до центра. Но я не помню, где этот дом. Хожу по пустым улицам, читаю названия – ни одного знакомого. Я забыл город.

Светаёт, выходят на работу дворники, из булочной пахнет свежим хлебом. Владимирская. Яшку в последний раз видели на Владимирской. Он жил неподалёку?

Вот и дом. Он древней и сильнее иных крепостей, но притворяется дряхлым, заброшенным, никчёмным, люди не замечают его. Вот и собака, она лежит на крыльце, смотрит недоверчиво. Поднимаюсь по ступенькам – отходит, пропус-

кает, провожает взглядом. Комната – единственная жилая. Топчан, старый стул и книги, книги, книги. И знакомая нейросеть на стенах. Она не прорвалась бы сюда, Яшка заманил, впустил её и попал в ловушку, которую сам расставил.

Идеальная точка для входа. Я сажусь на пол спиной к стене, ближе к грибнице, глотаю две таблетки и...

* * *

Сеть научилась защищаться, она больше не умирает по моему приказу. Она пытается закрыть от меня сегменты один за другим. Я силой выбиваю защиту, иду вперёд, вперёд, вперёд, пока могу. Обратного мне уже не пройти.

Варя?! Вся здесь, грибница высосала тебя, забрала твою память. Ты вернулась на Пятницкую, где меня уже нет, нашла Яшкин дом и случайно уснула рядом со мной? Или тварь заставила тебя прийти?

Варькины воспоминания обрушиваются на меня призрачной Ниагарой. Вот она, совсем крошка, с прабабушкой. Родители, младший братик, школа – первый класс, последний. Первый поцелуй, первая любовь, первый бокал вина, первая близость, первое предательство. Случайная встреча с женой любимого человека. Отъезд из Вязьмы. Институт. Студенческая краткая любовь. Уехал по контракту в Чикаго, обещал забрать её, как только устроится. Больше не звонил, не писал. Варя никогда не рассказывала об этом. Собеседование,

работа, друзья-коллеги. Фильмы, книги, музыка. Съёмная квартирка на окраине. Наше знакомство, близость. Я должен убить всё это, да? Я не могу.

Не останавливаясь, прохожу всё новые сектора. Структура уплотняется, сходится к центру, затягивает, больше нет сил атаковать, контролировать движение, я падаю бесконечно и держусь за одну-единственную мысль – не забыть карту сети.

Удар – слабый, но болезненный. Ещё удар. Пытаюсь предсказать следующий, увернуться, не успеваю, но узнаю в ударе себя. Грибница слепила некое подобие меня из обрывков памяти, и с каждым ударом тот, другой, становится живее и сильнее, а я ухожу в небытие. Бью в ответ – раз, ещё раз, ещё. Мы входим в клинч, падаем вместе, притяжение тащит нас в багровую темноту. Что есть силы толкаю другого в самый центр. Из глубины поднимается медленная липкая волна, на дне чёрной дыры судорога сводит чьи-то невидимые мышцы, и кто-то кидает в меня мной.

* * *

Я проснулся. Уже вечер. Рядом, свернувшись калачиком, лежит девушка. Она жива, но её уже нет, грибница забрала её, тут уже ничего не исправить. Сейчас главное – не забыть карту. Не замечаю улицы, дома, иду по городу тем же путём, каким шёл сквозь сеть.

Стоп. Тварь не убить голыми руками. Мне нужен... Ох, как же он называется? Я подхожу к людям, говорю с ними, слова ускользают. Люди шарахаются от меня. Наконец один понял, принёс, спросил про деньги. Не глядя, я отдал ему бумажник. Он, похоже, испугался того, что сделал. Уходил быстро, почти бежал, оглядывался нервно, а я стоял на перекрёстке улиц, ставших для меня безымянными, пытался понять, куда теперь идти.

* * *

Входная дверь заколочена кое-как, стоило дёрнуть, и старые доски подались, вывалились ржавые гвозди. В комнатах сырая тьма, но свет мне уже не нужен. Густая паутина мицелия липнет к лицу, мешает идти. Нити, нити со всех сторон, причудливый узор сплетается в сплошную массу, в тугой комок. Сегменты сети сходятся в гиперхаб, нервы – в мозг. Нет, не в мозг. В плаценту. С потолка сумеречной комнаты свисает белёсый шар, в глубине так медленно, что начинает кружиться голова, шевелится нечто розовое, похожее на человеческий зародыш. Вот куда я попал в своё последнее погружение. В существо, у которого нет и, надеюсь, никогда не будет названия.

Слово, я вспомнил то слово. Бензин. Спички. Огонь!

Стою чуть выше по косогору, вглядываюсь в ночь. Не горит. Ни искорки не видно в тёмном доме. Неужели надо вер-

нуться? Нет, кажется, пахнет дымом.

А-а-а-а-а! Сотни тысяч тупых иголок вонзились в голову. В головы всех, кого коснулась грибница, всех, кто ещё жив. Чувствую, остановилось чьё-то сердце, ещё одно. Тварь горит, гибнет, визжит в наших мозгах. Я ослеп от боли, упал в темноту. Как догорает дом, я не видел. Потом стало тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.